

уровня служит для выражения (обозначения) косвенной речи. Реализуя синтаксические и семантические связи, конъюнктив становится средством выражения определенного вида модальности – «модальности косвенного высказывания» [9, с. 136-137; 1, с. 141-143].

Преимущественно в косвенной речи фигурируют формы презентного конъюктива. Претеритальные формы задействованы в основном в случаях совпадения формы конъюктива с формами индикатива (например, слабые глаголы: *machte – machten; erklärte – erklärten*). По линии выражения значений объективной модальности формы конъюктива (как презентные, так и претеритальные) сохраняют за собой эту функцию. Все зависит от содержания прямой речи: если в исходном предложении наблюдалось модальное значение «ирреальности», то в косвенном предложении это значение сохраняется: A sagt: *Ich hätte dich besucht, aber ich hatte damals keine Zeit gehabt.* → A. sagt, dass er mich *besucht hätte, aber ich hatte damals keine Zeit gehabt.* В таких случаях мы фиксируем значения двух видов модальности – объективной модальности и косвенной модальности. При этом в выражении значений обоих видов модальности участвует одна грамматическая форма – претеритальный конъюнктив (в сочетании с другими формами или «автономно»).

Употребление в предложениях косвенной речи презентных и претеритальных форм конъюктива привело к поставке вопроса об «оценочной» функции конъюктива (*einschätzende Funktion des Konjunktivs*) в предложениях данного вида речи [3, с. 198-199]. Наблюдения в этом плане показывают, что претеритальные формы конъюктива могут служить средством выражения негативного отношения говорящего к содержанию передаваемого: *сомнения* в истинности чужого высказывания, *несогласия* с мнением лица, слова которого воспроизводятся, *недоверия* к услышанному и т.п. Это подтверждается примерами из художественной и научной литературы, прессы, разговорного языка. В тексте, который мы приводим, негативная оценка говорящего – в данном случае журналиста – выражается в *опровержении* утверждений экстремистов, что на территории гитлеровской Германии «не было» концентрационных лагерей с газовыми камерами, что «не было» массового уничтожения евреев: *Sämtlichen rechtsextremistischen Gruppen ist gemeinsam, daß sie alle Berichte über Massenmord an den Juden im Dritten Reich als Greuelpropaganda bezeichnen. Sie behaupten, der Holocaust hätte nicht stattgefunden und in den Konzentrationslagern hätte es keine Gaskammern gegeben. Vor diesem Hintergrund ist Steven Spielbergs Film über Oskar Schindler, der 1200 Juden vor der Deportation in die Vernichtungslager bewarte, zu beurteilen* [8, с. 64].

В то же время встречается немало случаев, когда претеритальные формы не участвуют в выражении «оценочного отношения», а потому, с некоторыми оговорками, могут рассматриваться как синонимы соответствующих презентных форм, назначение которых, как правило, сводится к выражению «нейтральной» (*neutral*) позиции говорящего [3, с. 199].

В ходе изучения проблемы о семантике конъюктива в предложениях косвенной речи появляется возможность исследования его форм в аспекте прагматики, по линии отношений: *форма конъюктива – оценочное отношение* говорящего – *прагматика* предложения (цель, мотивы говорящего, эффективность сказанного).

В качестве итога подчеркнем, что категориальные значения немецкого конъюктива определяют его значимость как грамматического явления. Как единица формального, семантического и прагматического уровней конъюнктив в составе определенных моделях языка и речи подчеркивает своеобразие и национальную специфику немецкого языка.

Использованные источники и литература

1. Козловский В. В. Структурно-семантическая организация и коммуникативно-прагматическая направленность предложений с конъюнктивом в современном немецком языке. – Дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04 – Черновцы, 1977.
2. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. – 3. durchgesehene und erweiterte Auflage. – München: Verlag C. H. Beck, 1970.
3. Admoni W. G. Der deutsche Sprachbau. – Leningrad: Prosweccenie, 1972.
4. Brinkmann H. Der deutsche Sprachbau: Gestalt und Leistung. – Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwamm, 1971.
5. Drosdowski G. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, 1984.
6. Engel U. Deutsche Grammatik. – 2., verbesserte Auflage. – Heidelberg: Julius Groos Verlag, 1988.
7. Flämif W. Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. – Berlin: Akademie Verlag, 1959.
8. Leiser E. Ein Film über das Wahre: Schindlers Liste. – In: Zeitschrift «Deutschland», 1994. – № 2.
9. Moskalskaja O.I. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Moskau: Hochschule, 1971.
10. Röhrli. E. Der Konjunktiv im heutigen Sprachgebrauch. – In: Muttersprache. 72. Jg., H. 10, Oktober 1962. – S. 289-298.

Колесниченко Е. Л.

ЗЕВГМА КАК СРЕДСТВО ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ М. М. ЖВАНЕЦКОГО

Цель статьи – показать синтаксические и стилистические особенности зевгмы как одного из самых ярких средств создания языковой игры в произведениях известного сатирика М. М. Жванецкого.

Зевгмой называются самые разные речевые феномены. Существуют термины, синонимичные этому понятию («аттелага», «окказиональное сочинение» и др.), но они употребляются еще и в других значениях.

Зевгма – одно из самых ярких средств создания «эффекта обманутого ожидания». Она активно используется сатириками как средство создания комического эффекта. Однако в идиостиле М. М. Жванецкого зевгма имеет некоторые особенности.

Монологи писателя тяготеют к разговорному стилю, для которого характерна компрессия. Воздействующий эффект некоторых зевматических конструкций достигается, в том числе, и за счет экономии языковых средств. Таким образом, при построении этих фигур используется принцип языковой экономии, который состоит в намеренной подаче материала в сжатой форме. Строя свое сообщение по принципу языковой экономии, адресант пытается кратко выразить значительное по объему количество информации.

В современной риторике и стилистике под зевгмой понимается два различных языковых явления:

1. Зевгма – синтаксический прием экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз – в начале (протозевгма: *Вся Галлия разделена на три части, из которых первую **населяют** белги, вторую – аквитанцы третьей – те, козо сам кельтский язык называет нашими галлами*). Цезарь), в середине (мегозевгма: *Когда умирают кони – дышат, / Когда умирают травы – сохнут, / Когда умирают солнца – **они** гаснут, / Когда умирают люди – поют песни*. Хлебников) или в конце (гипозевгма). Т. Г. Хазагерев считает зевгму одной из фигур убавления, стоящей в одном ряду с эллипсисом и силленисисом [12].

Второй подход к зевгме характеризует ее как «фигуру речи, создающую комический эффект в силу грамматической или семантической разнородности или несовместимости сочетаний, образующихся при соединении языковых единиц: *Он пил чай с женой, с лимоном и с удовольствием* [1, с. 158].

Такой дефиниции зевгмы придерживается большинство исследователей (С. А. Лукьянов, Ю. М. Скребнев, Л. И. Мацко, О. М. Мацко, Н. Н. Романова, А. В. Филиппов), рассматривая ее как экспрессивную языковую единицу, воздействующий эффект которой основан на объединении семантически несовместимых компонентов в качестве однородных.

В. З. Санников, рассматривая зевгму как разновидность языковой игры с использованием сочинительных конструкций, подчеркивает, что в «лексеме, подчиняющей сочинительную цепочку», объединяются разные значения и приводит следующий пример: *Вместо него я получил золотую медаль и зонтиком по шее от его мамы на выпускном вечере* (Ф. Искандер) [10, с. 129].

Объединяя эти признаки, Э. М. Береговская предлагает следующее определение: «Зевгма – это экспрессивная синтаксическая конструкция, которая состоит из ядерного слова и зависящих от него однородных членов предложения, чаще равноценных грамматически, но семантически разноплановых, вследствие чего в многозначном ядерном слове одновременно актуализируются минимум два разных значения или смысловых оттенка» [2, с. 63].

Итак, представленный материал позволяет сделать выводы:

Зевгма – в синтаксической стилистике – это семантическая фигура речи, разновидность эллиптической конструкции, последовательность одинаково организованных высказываний, где общий для всех член предложения употребляется один раз – в начале, в середине и в конце высказывания.

Зевгма – в лексической и синтаксической стилистике – стилистический прием, фигура речи, при которой наблюдается нарушение семантической однородности или семантического согласования в цепочке однородных членов предложения или целых предложений, создающее юмористический эффект, или эффект обманутого ожидания.

В произведениях М. М. Жванецкого зевгма – это и нарушение грамматической однородности в ряду членов предложения, занимающих одинаковую синтаксическую позицию («неосложненная» зевгма). Подобное явление обычно рассматривается как ошибка, но при определенном стилистическом задании (имитации разговорной речи, создании комического эффекта или того и другого одновременно) она становится средством создания языковой игры.

«Неосложненная» зевгма рассматривается как чисто грамматическая конструкция, в которой во избежание повтора и с целью экономии один из членов предложения употребляется только один раз:

Он плеснул, достал, принес, отбил, поколотил, перевернул [4, с. 136]. В данном примере однородные сказуемые обозначают разные по цели и способу выполнения действия.

Мой младшенький, как увидите, играл на дудочке, потом вздрогнул и как-то старше стал. И даже в другом костюме [13, с. 91].

Ну кому-то же интересно, что человек уже месяц не пьет, не ест хлеба и сахара, делает зарядку, отжимается от пола на кулаках, висит на перекладине, издевается над собой [1, с. 100].

Очевидно, что всякое предложение может содержать в себе «неосложненную» зевгму, которую в данном случае нельзя рассматривать как стилистическую фигуру. Как уже говорилось выше, произведения М. М. Жванецкого характеризуются приближением к разговорной речи, а так как экономичность, сжатость – одна из характерных черт разговорной речи, то присутствие синтаксической зевгмы в данных произведениях объяснимо и оправдано.

Близка к «неосложненной» так называемая «синтаксически осложненная» зевгма. Она образуется в случае нарушения синтаксиса предложения. Проиллюстрируем данное явление следующими примерами:

Потом меня можно увидеть на углу возле кафе и идущим к бульвару [6, с. 166]. *У вас срыгается взгляд и перекошены брюки* [7, с. 22].

Подобного рода предложение может быть рассмотрено как синтаксически неверное. В стилистике конструкции с нарушенным синтаксисом описываются в качестве стилистических фигур, где отклонение от синтаксических норм является риторическим средством. Это не значит, что в синтаксической зевгме совершенно отсутствует комический эффект, ведь перед нами фигура, которая подразумевает определенные нарушения или в семантике, или синтаксисе, или морфологии, но этот эффект не явно очевиден.

В первом случае мы имеем дело с «неосложненной» зевгмой, так как сокращение компонентного состава второй части предложения не нарушает синтаксического правила построения предложения. Во втором случае речь идет о «синтаксически осложненной» зевгме, поскольку нарушены грамматические правила: компоненты первой и второй части предложения выражены разными грамматическими формами.

Следующий вид зевгмы является предметом исследования стилистики, поскольку «семантически осложненная» зевгма предполагает реализацию широкого спектра стилистических характеристик, включающих «все оттенки комического – от мягкого юмора и непритязательно-забавного бурлеска до сатиры» [2, с. 64]. Очевидно, что в данном случае речь идет о парадоксальном типе зевгмы, поскольку именно этот тип характеризуется широким спектром стилистических оттенков, таких, как ирония, сарказм, юмор. Создание

комического эффекта – одна из основных функций зевгмы. Не случайно В. П. Брандес характеризовала зевгму как «...фигуру языкового комизма» [4], а Э. М. Береговская отмечала: «Когда речь идет о стилистической роли зевгмы, прежде всего, приходит на ум обширная область комического, одним из словесных средств которого зевгма является» [3].

Примеров семантической зевгмы у Жванецкого достаточно, например, в предложении ... *а мы вспомнили все это дружбой, напором и душевно-духовными качествами* [6, с. 19] отмечаем в паратактическом ряду несовместимые семантически однородные члены предложения при полной синтаксической однородности.

Из примера *Ты лежишь среди чужой речи, у тебя ампутирован язык, блеск, остроумие...* [8, с.127] очевидно, что глагол **ампутирован** относится к слову **язык** в прямом значении, а к словам **блеск, остроумие** – в переносном. В результате происходит смысловое расхождение на семантическом уровне, которое дает право говорить о наличии в предложении «семантически осложненной» зевгмы.

Далее представим морфологический состав зевгмы анализируемого материала, напомним при этом, что зевгма представляет собой схему, состоящую из ядерного слова и ряда однородных членов предложения. Чаще всего в роли ядерного слова выступают глаголы: как переходные, так и непереходные: *И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью* [8, с. 17]. *Я выпишу тебе шалфей, боярышник и Прибалтику* [7, с. 171].

Достаточно часто в качестве опорного слова используются существительные, в том числе и отглагольные: *Ощущение опасности, пьянства и женщин* [8, с. 143]. *Дома у каждого неприятности: жена, квартира, зарплата* [6, с. 135].

Достаточно часто встречаем зевгматические конструкции, где в качестве опорного слова выступают местоимения, чаще всего личные: *И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь* [6, с. 28]. *А я еще с продуктами и ни в одном глазу* [6, с. 58].

Зевгматические конструкции, в которых отсутствует опорное слово, определяются как конструкции с нулевым компонентом: *Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок* [6, с. 218]. *Кольцо, сустав, очки, брюки серые потрепанные...* [6, с. 22]. В своей диссертационной работе «Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке» А. Н. Смолина предлагает такие конструкции классифицировать как зевгматическое перечисление.

Проанализировав произведения М. М. Жванецкого, мы приходим к выводу, что зевгма представлена здесь и как фигура речи с целью экономии средств, и как стилистический прием создания комического эффекта.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Береговская Э. М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. – 1985. – № 5. – С. 59-67.
3. Береговская Э. М. Экспрессивный синтаксис: Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ин-та, 1984. – 92 с.
4. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немец. яз.). – М.: Высш. шк., 1971. – 189 с.
5. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. Шестидесятые. – М.: Время, 2002. – 253 с.
6. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. Семидесятые. – М.: Время, 2002. – 382 с.
7. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. Восемидесятые. – М.: Время, 2002. – 348 с.
8. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. Девяностые. – М.: Время, 2002. – 446 с.
9. Жванецкий М. М. Мой портфель. – К.: Махаон-Украина, 2006. – 348 с.
10. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 525 с.
11. Смолина А. Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2004. – 252 с.
12. Хазагерев Т. Г. Общая риторика: Курс лекций. – Ростов на/Д.: Феникс, 1999. – 320 с.

Колесниченко Н. Ю.

ЖЕНСКИЙ РОМАН В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

При том, что термин «гендер», обозначающий «социализированный пол, формирующийся у биологического пола под влиянием регулятивной деятельности общества», появился чуть более сорока лет назад [32], сегодня вряд ли найдется отрасль гуманитарного знания, в которой не было бы представлено собственное гендерное направление – (ср., напр.: «гендерная лингвистика, гендерная социология, гендерная антропология, гендерная психология» и т. п.). Поскольку в массе своей они заняты изучением одного гендера – женского (фемининного), определение «гендерный» стало, по сути дела, синонимом «женского», а выдлившаяся в самостоятельную науку гендерология привлекает «андрогаенные» («маскулинные») сведения преимущественно в компаративных целях.

Женская сущность гендерологии отражена и в заголовках основной массы статей, монографий, докладов: женщина в политике, науке, спорте, рекламе, бизнесе, юриспруденции, массовой коммуникации, внутренней и вербализованной речи и под. [4, 7, 20]. Даже из приведенного далеко не полного перечня тематической направленности гендерных публикаций очевидно, что ведущая роль в них принадлежит социологии, психологии, филологии. Нас интересует именно последняя.

Здесь, особенно в последние два-три десятилетия, сделано немало, – защищены десятки диссертаций, из них несколько докторских – см., напр., [2, 5, 15, [18], опубликованы интереснейшие наблюдения о женской речи, как устной [13, 14], так и письменной [8, 10, 21], о гендерных изменениях словаря [9, 11] и о женской прозе [1, 19]. О ней, к сожалению, совсем мало. Поэтому представляется, что ее исследование имеет актуальный и перспективный характер.

Начнем с уточнения понятия «женская проза». Говоря о ней, авторы публикаций нередко используют определение «так называемая», «so called» – ср., напр.: «женская проза – душераздирающее словосочетание, столкновение несовместимых величин. Или женщина, женское, женственность. Или проза» [17]; «так называемая женская проза все шире представлена в списках номинантов на Букера» [25, с. XIII]. Хотя еще совсем недавно ситуация носила совсем иной характер. Так, Тилли Олсен, американская писательница, приобретающая известность в самом начале 70-х годов, с горечью комстатировала в книге своих очерков 1979-го года, с